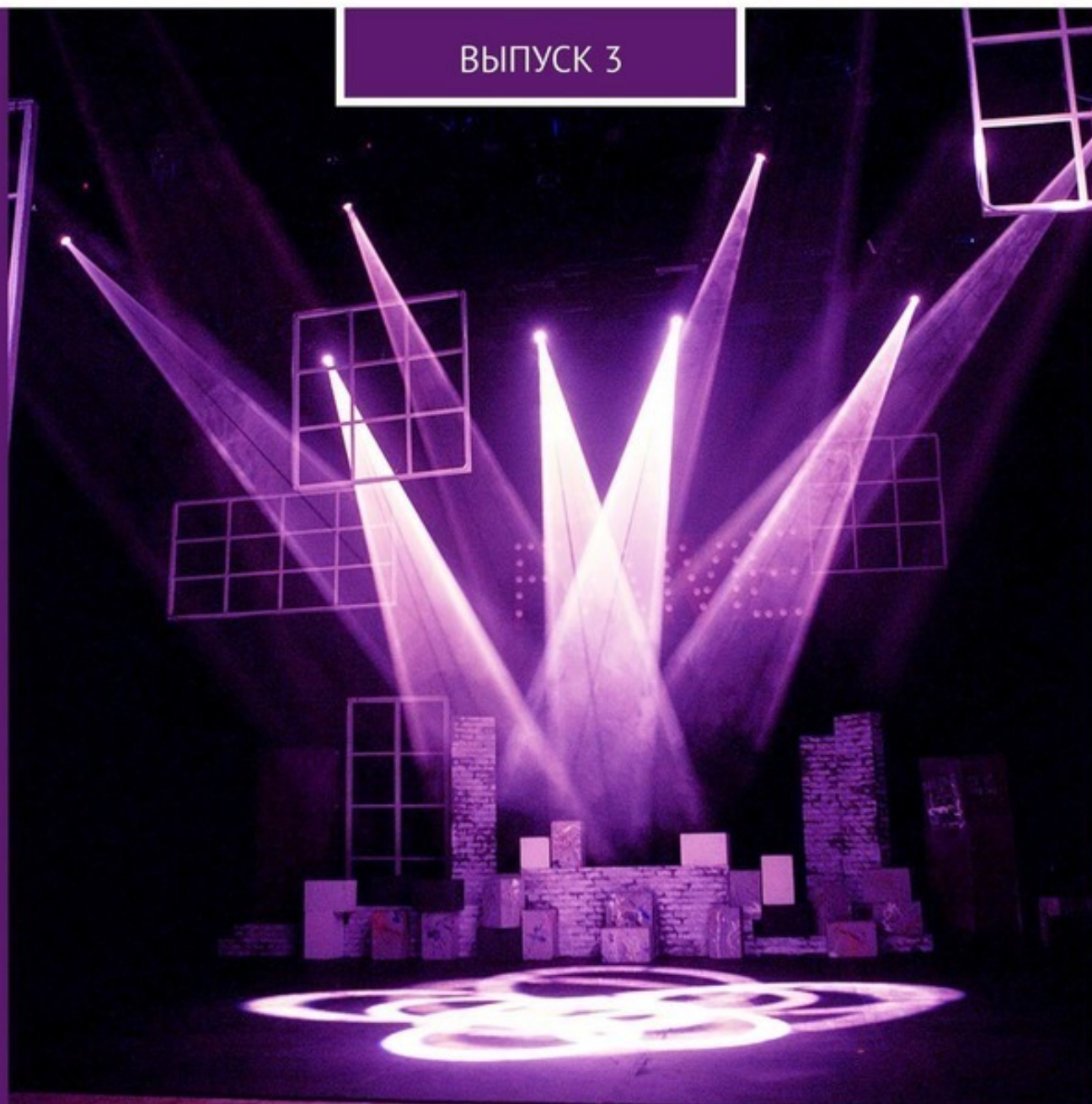

СБОРНИК ДРАМАТУРГИИ

Сюжеты в ожидании постановки

ВЫПУСК 3

Хелен Лимонова

**Сюжеты в ожидании
постановки. Выпуск 3**

«Издательские решения»

Лимонова Х.

Сюжеты в ожидании постановки. Выпуск 3 / Х. Лимонова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966215-6

В третьем выпуске сборника представлены пьесы Б. Тальникова, А. Зусмана, Д. Вайсберг. Борис Тальников — известный драматург и прозаик, автор книги «Леони». Его пьесы ставились на подмостках российских театров. Анатолий Зусман — председатель секции драматургов Союза русскоязычных писателей Израиля. Диана Вайсберг — одна из призеров израильского конкурса «Живые сюжеты», автор книги «Тайна Эльмирис».

ISBN 978-5-44-966215-6

© Лимонова Х.
© Издательские решения

Содержание

Анатолий Зусман	6
Встреча в городке Андай	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сюжеты в ожидании постановки

Выпуск 3

Редактор Хелен Лимонова

ISBN 978-5-4496-6215-6 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-6083-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анатолий Зусман

Встреча в городке Андай (монопьеса)

(Звучит испанская мелодия «Морские мотивы»... Через минуту звук понижается, говорит Франсиско Франко).

Вдохните этот воздух! Да-да, это тот самый воздух, его принесли на прекрасные испанские земли солёные ветра Атлантического океана.

(Музыка усиливается и продолжается ещё 40 секунд).

Кастилия... Андалусия... Севилья... Ласковое средиземноморское солнце и немного терпкий солоноватый ветерок уносят меня вдаль веков. История приоткрывает завесу, спрятанную спрессованным временем.

Сюда частенько прорывается ветер Атлантики, доносящий новые запахи и влекущий куда-то вдаль, в неизведанное... Так, более пятисот лет назад из этих мест отправился в плавание через океан покорять новые земли отважный Колумб. И тогда же из этих мест устремились евреи в другие края, кто куда, лишь бы подальше от безжалостной инквизиции.

Много горя повидала севильская земля. А разве есть на земле хотя бы маленький клочок, где бы не проливалась кровь и не страдали люди. Нет такого места. Но не об этом сейчас пойдёт разговор.

(В зале гаснет свет, затем Франко зажигает свечу.)

Тускло горит свеча, свет от неё почти не освещает комнату. Неясные видения окружают меня, и неизвестно откуда возникла молитва, которую я никогда не произносил. Как будто она жила во мне сотни лет, всегда пребывала в моём подсознании, ожидала этого часа, и он пробил.

Барух ата адонай элоэйну мэлэх аолам эшэр кидшэйну бэмицвотайв вэцавану...¹

Моя память не удержала дальнейших слов молитвы, и я продолжил её своими словами, идущими из глубины души. «Только здесь я могу не прятаться и обратиться к Тебе, и говорить с Тобой, и поклоняться Тебе. Я сегодня пришёл к Тебе полным непонимания, кто же я? Если я буду знать, кто я, я буду знать, что мне делать, какие совершать поступки в это тяжёлое для страны время...»

Мне сейчас нужен был совет Того, к Кому я обращался.

«Господи, мне стали сниться страшные сны, я встаю утром, и мне хочется сорвать с себя лицо, которое я ношу. Мне хочется уничтожить мысли, посещающие меня. Мне временами жутко с тем человеком, чьим ликом я являюсь, и который творит то, что творю я. Господи! Открой мне меня. Только здесь Ты говоришь со мной, и я тебя слышу. Только здесь! Дай мне знак...», – я непроизвольно начал раскачиваться в такт музыке, неведь откуда появившейся в моей душе. Я не знал, что так во время молитвы раскачивались мои давние предки.

Молитва закончилась. Я стоял в нерешительности, не понимая, кто же я на самом деле. Я провёл руками по кителю, ордена были на месте. Я снова стал тем, кем меня знал весь мир: Франсиско Франко – каудильо Испании.

И завтра мне предстояла встреча с Адольфом Гитлером.

(Свеча гаснет. Свет в зале. Звучит мелодия «Фламенко» – 45 секунд).

¹ «Благословен Ты, Господи, Боже наш, Царь вселенной, Который освятил нас заниматься заповедями Своими и повелел нам...»

Я, как мог, избегал встречи с фюрером, хотя и понимал, что она неизбежна. Принимая военную помощь Италии и Германии, я старался сделать всё, чтобы не показывать своих истинных намерений и не втягивать Испанию в войну.

А 25 сентября 1940 года Серрано Суньер, министр иностранных дел Испании, вручил Адольфу Гитлеру письмо. Оно начиналось такими словами:

«Дорогой фюрер! В тот момент, когда германские армии под вашим руководством близки к победоносному завершению величайшей в истории битвы, мне хочется выразить глубокое восхищение вашими успехами, разделяемое всем испанским народом...»

После обильных льстивых слов затем, как бы, между прочим, в тексте шли дружеские укоризны. Ну, неужели фюрер сомневается в том, что при вступлении в войну все порты и аэродромы Испании окажутся в распоряжении великой Германии? Вы требуете предоставления военных баз? Но разве не ясно, как день, что требования эти совершенно излишни? Ведь наша готовность в предоставлении вам военных баз известна.

В этом же письме я пытаюсь решить ещё один щекотливый вопрос: Испания должна Германии за оказанную в гражданской войне помощь огромные деньги. А их нет. Казна пуста, золотой запас страны с помощью Долорес Ибарурри перекочевал в Советский Союз и там сгинул. И в письме Гитлеру появляются строки: «Кроме того, хотелось бы оставить, наконец, позади старые проблемы, связанные с долгами Испании за военные поставки 1936—1939 годов. Разве поля сражений испанской Гражданской Войны не послужили пробным полигоном нового оружия Рейха, показавшего такие блестящие результаты в его титанической борьбе?»

Тогда же во время визита Серрано Суньера в Германию, была достигнута договорённость о моей встрече с Гитлером на франко-испанской границе в местечке Андай.

Я прекрасно понимал, что встреча будет нелёгкой. Фюрер обладал редким даром убеждения, ведь за ним стояла вся мощь Третьего Рейха и блистательные победы в Европе, а это, поверьте, действовало лучше прочих аргументов.

Мой поезд неторопливо двигался к франко-испанской границе, чуть подрагивая на стыках. Под их монотонный стук я задремал.

(«Псалом» – 50 секунд. Затем под эту мелодию говорит Франко)

И приснился мне странный сон. Будто я – седовласый старик, бреду по бескрайнему полю пшеницы, скрывающей меня почти по пояс. Колосья шевелятся, и в их шелесте мне почудился голос, говорящий, что не надо торопиться. **«Не поспешай, – слышу я, – и у тебя всё будет в порядке».**

(Мелодия усилилась, Франко молчит 20 секунд, затем продолжает)

Я проснулся и стал думать, что этот сон может означать? И вдруг меня осенило: **Надо задержать поезд!!** Дело в том, что согласно регламенту встречи, испанский поезд должен был прибыть на станцию на 10—15 минут раньше германского. И я обязан был лично встретить Гитлера на перроне. Этим я должен был подчеркнуть свою зависимость от фюрера.

(«Псалом» заканчивается)

Я вызвал начальника охраны и приказал остановить на полчаса поезд, якобы для мелкого ремонта. Вскоре поезд остановился. Я спустился из вагона и прошёлся по шелковистой траве высокогорья. Концепция разговора с Гитлером понемногу укладывалась в логичные построения. Настроение у меня заметно улучшилось. Встреча уже не казалась столь ужасной, как это виделось ранее. Через полчаса поезд продолжил свой путь.

Городок Андай располагался прямо на границе. По перрону взад и вперёд бродил хмурый фюрер в сопровождении министра иностранных дел Германии Риббентропа. Уже давно он никого не ожидал. Всегда его встречали, встречали подобострастно. Как вассалы своего сеньора. Какой позор! Он целых восемь минут толчётся, как нищий под дверью, в ожидании подачки. Подумать только!

Казалось бы, что такое восемь минут? Но фюрер весь кипел от гнева, мысли его путались и он уже думал не о том, как заставить меня выполнить свои обязательства, а о том, что следует мне всыпать и примерно наказать. Эти восемь минут показались ему вечностью, и он впоследствии утверждал, что прождал меня не менее часа. Вполне возможно, что так и было.

И вот мой поезд остановился. Я вышел из вагона и направился к Гитлеру. Раскинув широко руки, улыбаясь во весь рот, я, излучая самые тёплые чувства, подошёл и произнёс: «Наконец-то мне выпало счастье лицезреть великого человека! Гения всех народов и всех веков! Я счастлив, радость моя не имеет границ, а преданность безмерна». После длительных излияний, не давая фюреру вставить хоть одно слово, я извинился за непредусмотренную задержку в пути и сказал, что уже распорядился наказать всех виновных.

(Звучит метроном – 5—6 ударов.)

Криво улыбнувшись, Гитлер вынужден был откликнуться. Голос его походил на негромкое рычание разъярённого льва: **«Я также давно мечтал вас увидеть»**. Но сказать что-то ещё в этом роде у него не было, ни сил, ни желания. Я отчётливо видел, что Гитлер раздосадован, раздражён и желает поскорее приступить к деловой части встречи. Именно там он надеялся взять реванш за ожидание. «К деловой, так к деловой», – подумал я, и последовал вслед за фюрером в его вагон-салон. Было три часа тридцать минут пополудни.

Сбившись с намеченной линии поведения, Гитлер начал совещание не так, как это планировалось в Берлине. Он смотрел на меня, моя улыбающаяся физиономия с чисто еврейским носом выводила его из равновесия и мешала сосредоточиться.

Главный вопрос, интересовавший Гитлера, заключался в том, что он хотел убедить меня пропустить через территорию Испании немецкие войска для захвата Гибралтара и вывода немецких войск в Северную Африку. Гитлер пребывал в уверенности, что ему не составит никого труда убедить меня согласиться на германские предложения.

Со стороны могло показаться, что я внимательно слушаю Гитлера. Моё лицо выражало неприкрытое внимание. Я поддакивал, кивал головой и давал понять, что согласен со всеми его словами. Но мысли мои в этот момент витали далеко от места встречи. Поддакивая фюреру, я старался каким-либо образом отвлечься, чтобы не поддаться влиянию его завораживающей речи. И я постарался перенестись в прошлое.

(Мелодия «Болеро» – 30 секунд.)

В мае 1890-го года мой отец Николас женился на дочери генерального интенданта – красавице Марии дель Пилар Баамонде-Пардо де Андраде. Мать моя – Пилар была глубоко религиозной женщиной. Воспитанная в духе традиционных испанских ценностей, она все силы вкладывала в домашние заботы, безумно любила своих детей и отдавала нам всю себя. Вот в этой семье четвёртого декабря 1892 года в день святой Варвары я и родился. Я был вторым ребёнком в семье и в первые годы старался во всём походить на старшего брата Николаса. Через три года после меня в семье появилась девочка – Пилар, а ещё через год – Рамон.

(Звучит «Вечерняя мелодия» – 1 минуту.)

При крещении в гарнизонной церкви меня нарекли Франсиско Паулино Эрменгильдо Теодуло, что по испанской традиции должно было обеспечить высокое покровительство одноимённых святых. Кроме того, как всякий испанец, я носил двойную фамилию Франко Баамонде: первую часть от отца, вторую – от матери.

(Звучит метроном – 5—6 ударов)

Гитлер, уверенный в том, что я полностью с ним согласен, завершил свою вступительную речь: **«Для этого требуется всего ничего. Согласие Испании и... прежде всего, открытие испанской границы немецким войскам»...**

...Подошла моя очередь отвечать фюреру. Лицо моё помрачнело, и уже не глядя в глаза собеседнику, я опустил голову и заговорил. Чётко выговаривая каждое слово спокойным, мерным, тихим голосом, я словно бы произносил молитву. Моя задача заключалась в том, чтобы

Гитлер потерял нить в вязи неторопливых слов, не смог сосредоточиться и вникнуть в их смысл. Каждое моё слово было продумано, глубоко взвешено и тщательно отрепетировано. Это не мешало мне одновременно, и говорить, и предаваться воспоминаниям.

(Мелодия «Болеро» – 10 секунд, затем под музыку.)

В 1906 году я, четырнадцатилетний юноша, по предложению отца, подался в пехотную академию в Толедо. Академия располагалась в знаменитом замке Алькасар. Это была величественная крепость, являвшаяся древней резиденцией испанских монархов. Она стояла на высоком холме, откуда открывался прекрасный вид на город. Замок вызывал в нас мистическое благоговение перед былым величием Испании.

Я был в академии не только самым младшим, но и самым маленьким по росту, а моё лицо, выдававшее, что во мне течёт не только испанская кровь, вызывало многочисленные насмешки. Но мне никто не говорил обидных слов, кадеты очень быстро и хорошо усвоили мой жестокий нрав, никому не спускающий даже мелких обид.

(Звучит метроном – 5—6 ударов)

Я долго и без устали говорил и завершил свою речь так: «Появление немецких войск под Гибралтаром будет рассматриваться, как оскорбление, нанесённое испанской чести, ибо только испанец должен освободить Гибралтар от неверных».

Итак, стороны показали своё видение ситуации и как бы наметили позиции в предстоящих переговорах. Но, если я выглядел внешне вполне спокойным, то Гитлер, взбешённый моим поведением, начал терять самообладание. Раздражённый Гитлер чуть ли не в ультимативной форме повышенным голосом произнёс: **«Откройте границу моим танкам!»** Я ещё ниже опустил голову и всё тем же спокойным голосом повторил всё, что только что говорил, а затем как бы назидательно сказал, что «танки по пустыне не пройдут».

Наступила тишина. Гитлер не мог взять в толк, куда подевались предварительные договорённости. Он вообще ничего не мог понять. И он нервничал, терял нить разговора, перескакивал с одного вопроса на другой... А я сидел, не шевелясь, «как бы слушая Гитлера». Моё тело чуть покачивалось, словно бы в такт словам, когда же наступала моя очередь говорить, я превращался в неподвижную мумию.

Вдруг мои мысли сделали неожиданный поворот: знает ли Гитлер, что я отдал приказ испанским посольствам в Европе выдавать евреям въездные визы в Испанию. Я это объяснял тем, что они являются предками сефардов, изгнанных более четырёхсот лет назад из Испании, и имеют право вернуться на свою историческую родину. Уже десятки тысяч евреев Франции, Венгрии, Румынии, Греции пересекли границу и укрылись в Испании. Пройдёт время, и эта цифра приблизится к двумстам тысячам.

Конечно же, Гитлер не мог не знать об этой акции спасения евреев. Но сейчас ему невыгодно было поднимать еврейский вопрос – на кону стояла более важная задача. А мои мысли вернулись снова к тем дням, когда никто не называл меня «каудильо».

(Пауза)

Я понимал, что карьерный рост возможен только в Африке и подавал рапорты о переводе в действующую армию. Наконец, в феврале 1911 года мне удалось получить направление в резерв Африканской армии. Сразу же по прибытии в Марокко меня направили в форт Тифасор. Мне здорово повезло, командовал базой в форту помнивший меня бывший начальник Алькасара полковник Хосе Вильба Рикельми.

В июле 1912 года я получил очередное воинское звание, а с ним и новое назначение – командовать фортом Уикан на реке Керт. Форт находился на передовой и считался опасным местом.

Три месяца службы принесли и первую боевую награду – Крест Мерито Мелитар Первой степени. Всего три месяца, а я уже пользуюсь доверием подчинённых. Тогда я не думал, какой жизненный путь мне предстоит пройти. Я просто радовался жизни. Находиться на грани

риска – это было именно то, к чему я стремился. А победа в сентябре против повстанцев принесла мне второй крест и славу смелого командира.

Вскоре за храбрость в бою при Бен Салеме в окрестностях Тетуана меня досрочно произвели в капитаны.

Началась Первая мировая война. Но война в Марокко продолжалась. И именно в этот период я приобрёл известность в африканской армии. Случилось это после того, как в конце июня марокканским партизанам удалось перерезать дорогу между Сеутой и Тетуаном и закрепиться в десяти километрах к западу от Сеуты в деревне Эль Беутс. Деревня располагалась на высоком холме, откуда хорошо была видна и простреливалась важнейшая магистраль. Войскам был дан приказ «любой ценой взять деревню». Одной из рот командовал я. Ранним утром 29 июня мы пошли на штурм.

Марокканцы сверху открыли по нам шквальный огонь. Положение стало отчаянным. Были убиты все старшие офицеры, в том числе командир группы наступавших войск. В этой ситуации я принял командование войсками на себя и повёл их в атаку. Уже в первые минуты атаки меня ранило в живот, но я с поля боя не ушёл, а продолжил командовать. Холм и деревня были взяты. Правда, я этого уже не видел, так как лишился чувств от потери крови. За этот подвиг меня произвели в команданте.

Летом 1917 года на одном из праздников я познакомился с девушкой. Знаете, если бы вы заглянули в её очаровательные глаза, то тут же, уверяю вас, стали бы её пленником. Мне выпало счастье заглянуть. Кармен Поло Мартинес Вальдес стала моей женой.

Если до женитьбы я был ревностным католиком, мать сумела привить мне это чувство, то прекрасная Кармен сделала меня католиком фанатичным. Кармен стала моим помощником и другом. Любовь к ней я пронёс через всю свою жизнь.

(Мелодия «Этническая музыка» – 59 секунд, затем на её фоне.)

Но иногда во мне будто что-то просыпалось, выходило из глубин души и на какие-то мгновения делало меня другим, принадлежащим другому народу. Я тут же прятал это чувство, загонял его глубоко внутрь, а перед всеми представлял фигурой сумрачной, тяжёлый взгляд которой навевал какие-то тёмные средневековые воспоминания.

(Пауза. Музыка продолжается 30—40 секунд.)

Когда был создан Испанский легион, я получил в нём должность второго человека. К тому времени марокканские племена, объединившись, разгромили двадцатитысячную испанскую армию. Своевременное появление легионеров спасло положение на фронте. За участие в последующих боях в январе 1925 года мне было присвоено звание полковника.

Решительный перелом в войне произошёл после блистательной десантной операции, осуществлённой нашими войсками в сентябре 1926 года. День 8 сентября того года врезался в мою память особенно ярко. Мне было доверено командовать головной ударной группой войск, которым ставилась задача: высадиться в заливе Алусемас и подготовить плацдарм для основной группировки. По установившейся привычке, я одним из первых покинул баркас, прыгнув в воды залива, и, словно заговорённый, бесстрашно повёл войска в атаку. За эту операцию я удостоился чина бригадного генерала. Так я оказался самым молодым боевым генералом в Европе.

(Пауза. Метроном 5—6 ударов.)

Фюрер понимал, что путь к безоговорочному успеху на Средиземном море и в войне против Англии, проходит только через Гибралтар. Для этого он и предпринял поездку в Андай для встречи со мной. Он никак не мог взять в толк: что происходит во время встречи? Что бы Гитлер ни говорил, он натывался на непонятные возражения. Он, фюрер великой Германии, предлагал этому сморчку Франко военный союз, совместный захват Гибралтара и прочное братство по оружию. Я, ни разу ни от чего не отказавшись, так ни с чем и не согласился. Я ускользал от всех предложений словно медуза в руках неопытного пловца.

А воспоминания продолжались.

(Пауза)

1931 год. В стране победила республиканская партия. Министр обороны призвал армию поддержать республику. Король Альфонс XIII покинул страну. Я ни во что не вмешивался, и, как бы со стороны, наблюдал за всем происходящим.

Новый премьер-министр Мануэль Асанья считал главным врагом республики армию. Поэтому в среде генералов зрел заговор. Во главе его стал генерал Санурхио, бывший командир испанской гвардии. Восстание потерпело поражение. Когда премьер-министру доложили, что я не принял участия в путче, он испытал облегчение. За проявленную лояльность меня назначили командующим армией на Балеарских островах и были рады избавиться от меня.

Начало 1936 года. В стране победил Народный фронт в союзе с коммунистами. Толпы народа озаменовали это дикими бесчинствами. Сметались ворота тюрем, поджигались церкви и монастыри, избивались священники. Незаконно захватывались имения землевладельцев. Революция, осуществленная Народным фронтом, привела к хаосу и разорению.

Я прекрасно понимал, что Испанию ожидают новые потрясения, и запросил командующего войсками в Марокко о возможности отправки в Испанию подкреплений. Тот сразу же ответил: «Всё готово». Тогда я предложил правительству ввести военное положение, однако, президент страны его не утвердил.

Генерал Мануэль Гоед предложил мне совершить военный переворот, возглавив армию, но я опять отказался. И в этот момент президент вновь назначает Асанью премьер-министром, того самого, кто ранее показал себя заклятым врагом военных.

Асанья первым делом приказал перевести меня на далёкие Канарские острова. Этого я вынести уже не смог. Ещё до отъезда на острова я примкнул к заговорщикам, но реальных сил там в моём распоряжении не было. Да и в моей голове тогда ещё не укладывался сам факт участия в перевороте. Поэтому мятеж готовил генерал Эмилио Мола.

Восстание армии началось, но в Мадриде и Барселоне мятежники потерпели сокрушительное поражение. Ситуация казалась безвыходной. Тогда я через немецкого адмирала Канариса, с которым был знаком и дружен много лет, обратился к Муссолини и Гитлеру, чтобы они помогли перебросить самолётами отрезанные от Испании африканские войска. Муссолини пообещал выделить 12, а Гитлер 20 транспортных самолётов, все с экипажами. Кроме того, Гитлер выделил мне шесть истребителей.

Встречным шагом оказалось решение Москвы: оказать правительству испанской республики военную помощь.

Несмотря на то, что численность войск, которыми я командовал, составляла немногим более пятидесяти тысяч человек, это были сплочённые элитные части. Именно мои солдаты оказали решающее влияние на успех военной кампании.

Понимая, что командование всеми войсками должно быть единым, генерал Мола предложил, чтобы я, имевший наибольший опыт в боях, и одержавший только что победу под Толедо, возглавил все войска. Был подготовлен указ, по которому военная хунта передавала мне всю власть.

Так совершенно неожиданно для себя я, молодой генерал, которому исполнилось всего сорок шесть лет, стал не только главой государства, но и главой правительства, и генералиссимусом. **Вот тогда и стали меня называть – каудильо.**

(Марш из «Фауста». И далее под эту музыку текст)

Мне было понятно, что война в Европе неизбежна. Но кто выйдет из неё победителем? С одной стороны Германия и Италия. С другой – Англия и Франция. А за Англией стоят США. Было о чём задуматься. И я провозгласил нейтралитет Испании.

А в стране ожидался неурожай зерновых. Надо было получить канадские корабли с пшеницей, а для этого не следовало портить отношения с Англией. Не мешало также получить большие кредиты в США, так как в Европе и на малые рассчитывать уже не приходилось.

(Метроном – 5—6 ударов.)

После нескольких часов переговоров совершенно измотанный Гитлер предложил прерваться, чтобы немного отдохнуть. Я тут же согласился и, сославшись на неотложные дела, покинул поезд фюрера и перешёл в свой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.